

Стоило Чэнь Юньцину извлечь медный жетон Бюро по поимке демонов и спокойно, с вескими доводами, подтвердить свое звание, как докучливые стражники мгновенно умилились. Буквально пара фраз — и законники, вежливо раскланявшись, поспешили ретироваться.

Фу Цинчжи, скрестив руки на груди, посмотрела на Цзинь Линьэра с пылающим от гнева взглядом:

— В прошлый раз из-за вас, оборванцев, я кувырком с крыши полетела! Кошель потеряла, три дня побиралась, с голодухи чуть духу не испустила, пока наконец досыта не наелась. Я, ваша благодетельница, обиды не держу, и на этот раз вас отпускаю, но неужто вы за спасение не отблагодарите? А ну, гоните серебро, поживее!

Нынче ее грудь была плоской, точно гладкая доска, — хоть маскироваться под парня научилась, и то ладно, зрелище вышло куда менее пугающим.

— Само собой, — закивал Цзинь Линьэр и полез было за пазуху, но Чэнь Юньцин мягко перехватил его руку.

— Полно вам, дева Фу, — с укоризной проговорил Чэнь Юньцин. — Негоже пользоваться чужой бедой и грабить среди бела дня.

— Ах, и ты туда же! — вспыхнула девица. — Скажи на милость, почему мой кошель не потерялся где-нибудь в канаве, а свалился аккурат в твою повозку?

— Моя вина, каюсь. Всё из-за того, что колымага нашего Бюро скрипит да ковыляет так уродливо, — примирительно улыбнулся Чэнь Юньцин. — Долги повозки платит возница — вот я и отдался в твоё полное распоряжение, дабы искупить вину.

Затем он с поклоном поприветствовал Сунь Цинфэна и Цзинь Линьэра, после чего подошел к трактирной стойке и велел хозяину отпереть две лучшие комнаты на верхнем этаже.

Ее выпад пришелся впустую, словно удар кулаком в мешок с хлопком. Когда перед ней так безропотно склоняли голову, весь задор у девицы мигом пропадал. Насупившись, она замолчала.

Цзинь Линьэр отыскал того самого расторопного трактирного слугу, который пытался выгородить их перед стражей, щедро осыпал его серебром и велел накрыть богатый стол прямо в своей комнате. Туда же он пригласил Чэнь Юньцина и Фу Цинчжи, желая отблагодарить спасителей за избавление от беды.

Сунь Цинфэн, чуждый светских любезностей, спросил прямо, без обиняков:

— Отыскала своего младшего?

Посторонних в комнате не осталось, так что Фу Цинчжи отбросила всякое приличие: взобралась с ногами на стул, уселась на корточки и принялась бесцеремонно уплетать рис, орудуя палочками.

— Нет как нет, — пробормотала она с набитым ртом. — Даже следа не сыскать. Чудные дела творятся. Разве что этот паршивец принял чужой облик и десятки лет носа наружу не кажет, не выдавая своей истинной сути.

Сунь Цинфэн слегка нахмурился:

— Он зверь, а не человек. Демону в поднебесном мире смертных не утаить своей природы, где-нибудь да проявится изъян. Коль он умудряется скрываться десятилетиями, у него точно есть тайный умысел. К слову, ты ведь твердила, что у него и сил-то почти нет?

— Ну... кое-какие крупички все же имеются, — уклончиво буркнула девица.

— Издох? — коротко бросил Сунь Цинфэн.

Он прекрасно понимал, что лисица водит их за нос и не договаривает, но вытягивать из нее признания не собирался. Больше его раздражало то, как беспечно она подливала масла в огонь, когда на них натравили стражников.

— Старший Сунь, — Цзинь Линьэр тоже чувствовал некоторую неловкость, но, помня о спасении, испытывал к лисице искреннюю благодарность. Грубость названного брата показалась ему неуместной, однако перечить грозному защитнику он не смел, а потому попытался смягчить углы: — Не издох, а... отошел в мир иной. То есть, простите, мы совсем не то хотели сказать!

Чэнь Юньцин не сдержал мягкой улыбки:

— Ваша взаимная привязанность крепка, как и прежде. Позвольте мне извиниться за ее выходку. Душа у девы Фу добрая, просто характер вздорный да ребячливый, вот и поддалась минутному порыву.

— Это твой брат в мир иной отошел! — огрызнулась Фу Цинчжи.

Она подцепила палочками жирный кусок куриной грудки и бесцеремонно запихнула его в рот Чэнь Юньцину, чтобы тот замолчал.

— Знаю я, что он жив, просто сквозь землю провалился! И вообще, вы двое разве не божились,

что носа не кажете из своей глухой Лощины Абрикосового цвета? Чего ради приволоклись в этот шумный улей? Жаждете, чтобы все вокруг прознали о ваших тайнах?

— Наша тайна хотя бы не в том, что мы оборачиваемся лисами, — с усмешкой парировал Сунь Цинфэн.

От ярости у Фу Цинчжи перехватило дыхание, и она тут же принялась отчаянно заикаться:

— Л-лисы... лисы тебе поперек горла встали?! Лиса ч-что... твой р-рис воровала?! Тьфу на тебя! Эта госпожа... к-как раз и будет... ж-рать твой рис!

Чэнь Юньцин осторожно погладил взъерошенную девицу по голове, словно успокаивал рассерженную кошку. Гнев Фу Цинчжи улегся столь же стремительно, как и вспыхнул. Держав головой, она сбросила его ладонь, недовольно фыркнула и вновь уткнулась в тарелку, полностью проигнорировав присутствующих.

— По дороге я мельком видел указ о награде за ваши головы, — заговорил Чэнь Юньцин, посерьезнев. — Но я уверен, что то кровопролитие вышло случайно. Вы сами-то не ранены? Какие у вас планы на будущее? Если поведаете, я, быть может, сумею подсобить.

— Не стоит утруждать себя, брат Чэнь, — сухо отозвался Сунь Цинфэн.

— Мы держим путь на гору Хуашань! — радостно выпалил Цзинь Линьэр.

Сунь Цинфэн наградил глупого мальчишку тяжелым, обещающим кару взглядом.

Цзинь Линьэр виновато потер кончик носа:

— Ну а что? Брат Юньцин — человек надежный. Посуди сам: грозный тысячник из Бюро по поимке демонов волочитя вслед за лисицей, заглядывая ей в рот! Разве это не доказывает, что он парень из ряда вон выходящий?

Чэнь Юньцин густо покраснел и закашлялся:

— Да я... вовсе не...

Фу Цинчжи победоносно задрала подбородок. Поиграв длинной шелковистой прядью, она кокетливо провела кончиками волос по щеке Чэнь Юньцина и затянула притворным, певучим голоском:

— Ваша покорная слуга до глубины души уязвлена грубостью людей молодого господина Чэня. Сердце мое обливается кровью. И ежели он не ублажит меня как следует, придется мне сожрать парочку-другую крестьян, дабы восстановить истощенные жизненные силы.

На щеках тысячника проступил густой пунцовый румянец. Он поспешно отшатнулся:

— Де-дева Фу... умоляю, держите себя в руках! Мужчине и женщине не подобает столь близкое обхождение...

Кокетство девицы миг сменилось грозной гримасой. Она сердито прищурилась:

— Ишь, запел! А зачем тогда в прошлый раз приперся в Башню Синих гор? Тамошние потаскушки льнут к гостям точь-в-точь так же! Или тебе их ласки не по нраву, а?

Башня Синих гор слыла самым роскошным и известным веселым домом в Чанъане. Свое имя она унаследовала от некогда гремевшего на всю Поднебесную заведения в прежней столице, Лоцзине, и считалась местом изысканных, хоть и сомнительных удовольствий.

Чэнь Юньцин, будучи в странствиях, проезжал мимо этих палат утех, как вдруг закрепленный на его запястье Колокольчик, слышащий демонов, истошно затрещал. Направившись на зов артефакта, молодой тысячник обнаружил в одной из комнат Фу Цинчжи. Та, обернувшись смазливой юношей, преспокойно обжиралась и пила за чужой счет, ублажая местных девиц байками.

— Да я... я исключительно по долгу службы! Тварей нечистых ловить ходил, истинно говорю! — Чэнь Юньцин судорожно утер выступивший на лбу холодный пот, невольно перенимая манеру речи своей спутницы.

— И кого же поймал?! — прищурилась Фу Цинчжи.

Тысячник густо покраснел. Он замялся, пряча взгляд, и не решился вымолвить ни слова.

Наблюдавший за этой сценой Цзинь Линьэр весело зажмурился и, прильнув к уху Сунь Цинфэна, заговорщицки прошептал:

— Он по уши в нее влюблен!

— Тебе бы и впрямь поторопиться с поисками родича, — холодно бросил Сунь Цинфэн, смерив притихшую лисицу нечитаемым взглядом, а затем повернулся к Чэнь Юньцину: — Брат Чэнь, держи ухо востро. Пред тобой — коварный зверь, лишенный человеческой природы. Боги ведают, мужчина оно на самом деле или женщина. Будь осторожен.

Чэнь Юньцин лишь мягко улыбнулся в ответ:

— Небо породило мириады тварей, и перед его ликом все сущие равны. Люди и демоны пьют из одного источника бытия. Наше Бюро охотится лишь на тех чудовищ, что сеют смуту и проливают кровь невинных. У девы Фу при себе высочайший указ Императора демонов, так что бесчинствовать она не станет.

Фу Цинчжи надулась от обиды, но, опасаясь, что над ее заиканием снова станут потешаться, прикусила язык.

Вместо ответа она презрительно фыркнула и небрежным жестом швырнула Цзинь Линьэру золотой листок размером с ладонь. Тончайшая пластинка была покрыта столь замысловатой и причудливой вязью письмен, что сразу становилось ясно: рука смертного к этой дивной работе не прикасалась.

Мальчик не ощутил никаких перемен, но вдруг заметил, что Сунь Цинфэн был крайне изумлен.

— Что стряслось-то? — недоуменно захлопал ресницами Цзинь Линьэр.

Заметив, как потемнел лик свирепого защитника, Чэнь Юньцин вздрогнул. Он мгновенно вскочил со стула, заслоня собой Фу Цинчжи, и затараторил:

— Брат Сунь, помилосердствуйте! Прошу, давайте обойдемся без резких слов. Дева Фу лишь невинно подшутила над ним, не принимайте близко к сердцу!

Сказав это, он поспешно повернулся к зачинщице и зашептал ей на ухо:

— Смилуйся, верни Линьэру прежнее лицо!

Видя, что названный брат не сводит с него ошарашенного взгляда, Цзинь Линьэр поленился тянуться за медным зеркалом. Он шагнул вплотную к Сунь Цинфэну и заглянул прямо в его зрачки, пытаясь рассмотреть собственное отражение. Из черной глубины чужих глаз на него уставилась совершенно незнакомая физиономия: хитрющий прищур раскосых глаз, ниточки бледных губ, острый, сужающийся к низу подбородок — чистокровный, пронырливый лис в человеческом обличье.

Эта метаморфоза показалась мальчишке неимоверно забавной. Он подскочил к настоящему настенному зеркалу и, взглядевшись в свое новое отражение, звонко расхохотался:

— Сестрица Фу, ну и чудеса! Какая же ты искусница!

— Б-будешь знать, к-как над почтенной... госпожой потешаться! — победоносно залилась смехом Фу Цинчжи. Она ткнула пальцем в сторону Сунь Цинфэна и заговорщически подмигнула Чэнь Юньцину: — Погляди на него! Тот обернулся редкостным уродом, а этот вояка глаз с него сводит, дышать позабыл. Уж точно, вспыхнула меж ними страсть неземная!

Цзинь Линьэр лишь захлопал глазами, искренне недоумевая:

— Так старший брат меня с самого детства любит. К чему вообще эти разговоры?

— Тьфу на вас! Скучные вы! — Фу Цинчжи аж задохнулась от возмущения, даже ее презрительное фырканье вышло прерывистым. Поняв, что шутка не достигла цели, она мигом растеряла все веселье и надулась пуще прежнего.

Как оказалось, эта безделушка звалась Талисманом призрачного рождения. В причудливую золотую вязь была вплетена чистейшая духовная энергия. Никакой угрозы или смертоносной мощи артефакт в себе не нес — его сотворили исключительно ради мгновенного изменения лика и сокрытия истинного обличия.

Перед тем как отпустить дочь в мир людей, грозный родитель засыпал ее котомку целой горой подобных диковин. И хотя каждый такой талисман ковался из чистейшего золота высшей пробы и стоил целое состояние, благородной лисице и в голову не приходило пускать священные семейные реликвии на банальные траты. Вот и вышло, что, владея несметными богатствами, девица жестоко нуждалась в звонкой монете и была вынуждена всячески цепляться за долготерпеливого тысячника Чэня.

Цзинь Линьэр, несмотря на юный возраст, был на редкость проницателен. Он понял: пускай дева Фу капризна, остра на язык и лукава, в душе у нее твердо живут понятия о чести и гордости. Рассудив, что такая спутница достойна дружбы, и желая незаметно подсобить ей с деньгами, он обернулся к названному брату:

— Брат, эти Талисманы призрачного рождения сослужат нам добрую службу в дороге. Давай выкупим у сестрицы Фу парочку? Расплатимся настоящим золотом.

— Ишь чего захотел! — самодовольно вздернула носик Фу Цинчжи. — Мои безделушки бесценны, на людских рынках таких не сыщешь!

Сунь Цинфэн мгновенно уловил замысел мальчишки. Без лишних слов он залез в дорожный мешок, извлек оттуда два увесистых золотых слитка размером с хорошую ладонь и с глухим стуком опустил их на дощатый стол прямо перед носом лисицы.

— Достаточно? — коротко бросил он.

— Полно вам, мы ведь все друзья, к чему эти счеты... — попытался было вмешаться

простодушный Чэнь Юньцин.

Однако Фу Цинчжи была слишком смышленной, чтобы не понять истинных мотивов Цзинь Линьэра. На мгновение ее сердце защемило от странного, непривычного тепла. Шлепнув Чэнь Юньцина по протянутой руке, она решительно сгребла тяжелые слитки со стола и распихала их по голенищам своих сапог. Затем с громким хлопком опустила на стол еще одну золотую пластинку талисмана:

— Тоже мне, благодетели выискались! Неужто думаете, что я совсем обнищала? Забирайте обе плашки просто так, в дар от меня! К чему эти сделки, не хочу выглядеть перед вами жадной скрягой.

Недолго длилась эта случайная встреча в шумном трактире — вскоре пути их вновь разошлись. Чэнь Юньцин, задействовав свои немалые связи в Бюро, выхлопотал для беглецов чистые, безупречно оформленные дорожные грамоты на новые имена.

Скрыв истинные лики под личинами Талисманов призрачного рождения, Сунь Цинфэн и Цзинь Линьэр безбоязненно двинулись на восток, к уезду Хуайинь. Больше им не приходилось красться по глухим оврагам и шарахаться от каждого патруля — они шли открыто, по тракту, и добрались до подножия священной горы лишь тогда, когда отгремели празднества Нового года.

Время мчалось неудержимо, и вот наступило пятнадцатое число первой луны — Праздник фонарей. Крохотный уездный городок Хуайинь у подножия суровых скал не мог сравниться блеском и роскошью с державным Чанъанем. В этот день Цзинь Линьэру исполнилось шестнадцать лет. Не имея возможности раздобыть достойный подарок, Сунь Цинфэн с самого рассвета хлопотал у очага, чтобы приготовить названому брату традиционную чашу длинной лапши долголетия.

Рано утром, бережно неся исходившую паром глиняную чашу, Сунь Цинфэн пересек засыпанный пушистым снегом внутренний дворик постоянного двора. С легкостью заправского мастера боевых искусств он взмыл в воздух, бесшумно опустился на галерею второго этажа и шагнул в теплую комнату. Опустив исходящую ароматом похлебку на стол, он негромко скомандовал спавшему мальчишке:

— Поднимайся да ешь живее. Как управишься, сразу выдвигаемся к Обители Ясной луны. Набор учеников в школу Хуашань начнется аккуратно в полдень.

Цзинь Линьэр, погруженный в какие-то свои, не по-детски серьезные думы, лениво помешивал палочками тонкие нити лапши.

— Вот мне и шестнадцать исполнилось, — тихо вымолвил он.

Сунь Цинфэн, на ходу расправляясь со своей нехитрой стряпней, бросил сквозь зубы, не поднимая головы от чаши:

— Считай, в пору зрелости вступил. Мужчиной стал.

— Как же быстро пролетели эти четыре года... — вздохнул мальчик.

— А по мне — так тянулись целую вечность, день за три шел, — проворчал Сунь Цинфэн.

Цзинь Линьэр судорожно вздохнул, его губы дрогнули, а в больших глазах мгновенно заблестели непрошеные слезы:

— Неужели... правда?

Сунь Цинфэн ответил парню несильным, почти ласковым подзатыльником и хмыкнул:

— Ладно тебе мокроту разводить. За эти четыре года я давно растерял глупые надежды вырастить из тебя грозного владыку, способного возродить величие нашего культа. Ты теперь взрослый. И если я до сих пор таскаюсь за тобой следом, то лишь потому, что боюсь, как бы тебя, недотепу, не прирезали в первой же подворотне и не навели на мой след погоню. И ни ради чего более. Так что если опять распустишь нюни, клянусь, выдеру как сидорову козу!

— Какое счастье! — взвыл Цзинь Линьэр и, начисто позабыв о недавней грусти, с громким победным воплем бросился через стол.

Он мертвой хваткой вцепился в широкие плечи Сунь Цинфэна и принялся с преданностью бездомного щенка тереться макушкой о его жесткий, заросший щетиной подбородок.

— Пока ты со мной и не собираешься бросать, можешь колотить меня хоть с утра до вечера! Я терпеливый!

Сунь Цинфэн онемел от подобной наглости. Четыре зимы и четыре весны они делили хлеб и кров, но он так и не смог разгадать, то ли этот мальчишка круглой сиротой уродился, то ли просто умишком слаб. Тем не менее чаша опустела, лапша долголетия была съедена, а значит, дитя безвозвратно перешагнуло порог зрелости.

Ближе к полудню колючий ветер наконец улегся, и тучи над вершинами рассеялись, обнажив ослепительную синеву неба. У подножия величавой горы Хуашань, перед воротами Обители Ясной луны, колыхалось необозримое человеческое море.

Простой люд со всех концов государства Юн стекался сюда, ведя за руку своих чад, и делалось это вовсе не из слепого подражания моде. В бурном океане перемен, безжалостно смывавшем царства и династии, лишь единицы умудрялись сохранить наследие предков в первозданном виде. На всю Поднебесную оставалось всего пять древнейших столпов боевых искусств, чья преемственность не прерывалась ни на мгновение: Монастырь Шаолинь, Школа Хуашань, Школа Кунтун, Школа Снежных гор и Школа Эмэй.

Что до некогда славной школы Тяньшань, чьи мастера владели саблей с непревзойденным изяществом, то волею суровых законов династии Юн она была вытеснена далеко на север — за Границу Белого моря, во владения свирепого северного племени гуифан.

Ныне эти пять древних оплотов вместе со школой Удань, возвысившейся уже при новой власти, именовались «Шестью великими школами». И именно этот грозный союз плечом к плечу с Двенадцатью объединенными доками — могущественнейшей организацией речного люда, державшей в страхе все водные пути — безраздельно властвовал над грозным Альянсом боевых искусств.

Альянс боевых искусств ковал свое величие веками. Его пустившие глубокие корни ветви давно сделались тайной занозой в теле правящей династии. В пору своего становления молодое государство Юн еще не накопило достаточной мощи, чтобы каленым железом выжечь вольницу цзянху. Тогда император, будучи тонким знатоком человеческих слабостей, пошел на хитрость: осыпал главу Альянса высокими чинами и щедрым жалованием. Приняв императорскую печать, тот без лишних слов признал над собой власть короны. Да и была ли у него иная дорога? Всяк понимал: сколь бы ни были остры мечи одиноких воинов, против железной поступи регулярной армии цзянху выстоять не дано.

Обретя высокое покровительство, школы Альянса расцвели пуще прежнего. Отныне одаренные ученики могли не просто махать мечами в глухих лесах, но и сдавать государственные экзамены, становясь влиятельными чиновниками или прославленными полководцами на границе. Сила и богатство орденов множились с каждым десятилетием, а их слава в глазах простого люда взлетела до небес.

Из всех великих орденов школа Хуашань по праву считалась древнейшей и самой почитаемой. У ее истоков еще в эпоху Весен и Осеней стоял легендарный бессмертный мечник Минлин-цзы, сотворивший учение более полутора тысяч лет назад. Опираясь на даосские таинства и следуя священному принципу недеяния, затворники Хуашань веками сторонились мирской суеты. Они молились ветру и созерцали облака в глухих ущельях, из-за чего их круг неумолимо сужался, грозя окончательно прервать преемственность древнего Дао.

Чтобы спасти наследие от забвения, век назад тогдашний глава школы Сюэ Ци решился на дерзкое новшество. Отныне каждые три года у подножия горы, в Обители Ясной луны, распахивались ворота для всех страждущих. Всякий юноша мог попытаться счастья, пройдя через горнило трех испытаний: строгое сочинение, проверку телесной крепости и личную беседу со старейшинами, кои зорко оценивали как врожденный талант, так и чистоту

помыслов соискателя.

Внутренний двор Обители Ясной луны напоминал растревоженный муравейник. Цзинь Линьэр, обливаясь потом, с трудом протиснулся сквозь гомонящую толпу к длинному столу, за которым восседал хмурый дежурный адепт Хуашань, регистрировавший имена. Мальчик протянул ему свежавыправленную Чэнь Юньцином подорожную грамоту.

Измученный писарь бросил мимолетный взгляд на плотную бумагу, но стоило ему прочесть вслух выведенные тушью иероглифы, как он замер. Повторив имя еще пару раз, юноша удивленно хмыкнул и с доброжелательной улыбкой поинтересовался у соискателя:

— Сюэ Няньлан... «Скучающий по возлюбленному»? Забавное имя. Неужто за ним кроется какая-то слезливая история?

— Матушка так назвала, — смущенно пробормотал Цзинь Линьэр.

Обменявшись еще парой вежливых фраз, он обернулся назад, но обнаружил лишь плотную стену чужих плеч и спин. Сунь Цинфэна давно унесло бурлящим людским потоком куда-то в сторону.

Ровно в полдень под торжественный гул храмового колокола в главный зал Обители вошел сам великий глава школы Хуашань — Сюэ Чжэнъян. Из глубин святилища зазвучал его зычный, исполненный внутренней силы голос, произносивший напутственные слова. К несчастью, Цзинь Линьэр не вышел ростом: как ни тянулся он на цыпочках, как ни подпрыгивал над головами рослых парней, разглядеть величественную фигуру на возвышении ему так и не удалось. Родной дед остался для него лишь далеким неясным силуэтом.

Вокруг стоял невообразимый гвалт. Вскоре волна напирающих зевак окончательно вытеснила мальчика за пределы священного двора, и он, раздосадованный и хмурый, поплелся обратно на постоялый двор.

На следующее утро грянул первый день испытаний. Поскольку соискателей набралось великое множество, письменную проверку решено было растянуть на трое суток. Дабы исключить любые козни и передачу подсказок, всех ожидавших своей очереди юношей заперли в обширных боковых приделах монастыря. Кормили скудно, по-монашески: три пресных паровых пампушки-маньтоу, миска пустой рисовой жижи да ковш колодезной воды в день. С наступлением темноты несчастные застилали каменные плиты прелой соломой и спали вповалку, согревая друг друга дыханием в морозные ночи.

Цзинь Линьэру, как новоиспеченному шестнадцатилетнему юноше, выпала доля сдавать экзамен в самый последний день, в завершающем потоке, вместе с прочими взрослыми кандидатами.

Но на исходе вторых суток мальчика охватило глухое беспокойство. Приближался срок, когда его пораженное проклятием тело неумолимо требовало свежей крови.

К счастью, Сунь Цинфэн предусмотрел это: перед уходом зарезал жирную курицу, сцедил кровь в незаметный бурдюк из козьей кожи и велел парню спрятать его глубоко под одеждой.

Глубокой ночью, когда придел огласился разноголосым храпом сотен парней, Цзинь Линьэр тихонько выскользнул наружу под предлогом нужды. Ловкой тенью он взобрался на крышу галереи, чтобы сделать заветный глоток и усмирить бушующую в жилах темную силу.

Ледяной ночной ветер хлестнул его по лицу, заставив содрогнуться всем телом. От резкого порыва нога парня соскользнула с покрытой инеем черепицы, и он с глухим вскриком полетел вниз. По счастью, придел был невысоким, а прямо под стеной громоздилась куча заготовленного для топки сухого лапника и соломы, так что падение обошлось без переломов.

Охая и отряхиваясь, Цзинь Линьэр поднялся на ноги, как вдруг до его обостренного обоняния донесся едва уловимый, изысканный аромат цветущей на морозе дикой сливы-мэйхуа. В то же мгновение из-за угла выплыл дрожащий огонек бумажного фонаря, безжалостно выхватив фигуру нарушителя из темноты. Его поймали с поличным.

Однако судьба явила ему милость в этот час. Из темноты шагнул не суровый надзиратель, а тот самый благородный юноша, который месяц назад в чанъаньском трактире великодушно уступил им свою комнату — Чжоу Синъюнь.

Молодой мастер с тихим вздохом подошел ближе и принялся заботливо отряхивать налипшую на одежду мальчика сухую траву и грязь.

— Цел ли, малец? Не расшибся при падении? — мягко спросил он.

От этой искренней заботы у Цзинь Линьэра сладко защемило в груди:

— Жив-здоров, старший брат. Мне не привыкать, я с детства кувырком летаю.

Чжоу Синъюнь негромко рассмеялся и, взяв его за плечо, повел обратно к дверям придела:

— Ступай спать, полуночник. Коль приспичит выйти по нужде — загляни в правое крыло, там дежурит старший ученик, он подсветит дорогу фонарем. А шастать впотьмах по дворам негоже. В здешних лесах рыщут дикие горные коты — увидят непослушное дитя, оставшееся без

присмотра, мигом пятки до крови расцарапают.

Цзинь Линьэр послушно забрался под свое лоскутное одеяло и сонно буркнул из-под вороха соломы:

— Старший брат, да не ребенок я уже вовсе...

Чжоу Синъюнь лишь ласково потрепал его по макушке и бесшумно удалился в ночную прохладу. Только когда шаги его затихли, Цзинь Линьэр вспомнил: он ведь до сих пор носил личину лукавого лиса, сотворенную Талисманом призрачного рождения! Однако благородный Чжоу Синъюнь даже глазом не повел при виде его уродливой, пронырливой физиономии.

Когда наутро соискателей наконец впустили в экзаменационный зал, Цзинь Линьэр от трехдневного голодания едва держался на ногах, а в глазах у негоплыли серые круги.

Усевшись за низкий столик, он дрожащими пальцами развернул плотный лист рисовой бумаги. На нем крупными, летящими мазками было выведено изречение мудреца:

[Жизнь — то, чего я вождедею; долг — то, чего я вождедею. Если нельзя обрести и то, и другое, я пожертвую жизнью ради долга]

В груди у мальчика что-то горячо дрогнуло — эти слова попали в самую рану его израненного сердца. Обмакнув кисть в черную тушь, он принялся торопливо писать, изливая на бумагу все, что наболело за эти годы.

Сдав свиток, Цзинь Линьэр поплелся в трактир. Лишь умяв огромную миску дымящегося риса и согрев пустое брюхо, он запоздало сообразил, что, кажется, написал на экзамене нечто совершенно непозволительное.

Он во всех подробностях пересказал содержание своего сочинения Сунь Цинфэну. Заметив, как сурово сдвинулись брови названного брата, мальчик робко спросил:

— Совсем скверно вышло, да?

— Ты сам по себе — живой ответ на этот вопрос, так к чему плодить пустые каракули на бумаге? — вздохнул Сунь Цинфэн, устремив на него долгий взгляд. — На твоих плечах лежит Золотая печать. В двенадцать лет ты узнал о проклятом Двухсотлетнем уговоре и о том, что дни твои сочтены. Окажись на твоём месте любой другой — он бы иссох от зависти и злобы,

извелся бы в попытках сбыть печать первому встречному, лишь бы спасти собственную шкуру. И только у тебя в голове опилки вместо мыслей, ты о своей гибели даже не задумывался толком.

— Так ведь ты всегда рядом, брат, — тихо отозвался Цзинь Линьэр. — Я смотрю на тебя и учусь: пока ты тверд, и у меня страха нет. Но если говорить начистоту... в глубине души мне горько. Родиться человеком и топтать эту землю — великое чудо, дается оно с огромным трудом. И если перед тобой брезжит хоть крохотный шанс спастись, разве найдется в поднебесном мире безумец, что добровольно шагнет в могилу? Признаться себе в том, что ты отчаянно хочешь жить, вовсе не позорно.

В глазах Сунь Цинфэна промелькнула целая буря чувств — от щемящей боли до немого восхищения. Он лишь молча кивнул, не доверяя собственному голосу.

— Но ведь и волочить жалкое существование ради самого дыхания — не дело, — продолжал мальчик, глядя на свои огрубевшие ладони. — Я сотни раз размышлял над этим. Если бы мне предложили купить спасение ценой чужой невинной жизни... пускай я выжил бы и даже нашел повод для радости, мое сердце до конца дней превратилось бы в пыточную камеру. Покоя мне бы не видать вовек. И потому я без колебаний выберу смерть во имя долга. Но я написал честно: во мне нет благородного пафоса, я не корчу из себя великого праведника. Просто такой путь мне милее, только и всего.

Сунь Цинфэн тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой:

— Написал ты красиво и верно, да только слишком уж простодушно. Высокие господа из Хуашань привыкли к витиеватым, напыщенным речам о великом Дао. Легко рассуждать о самопожертвовании, когда пламя не лижет твои собственные пятки. Разве сытый голодного разумеет?

Цзинь Линьэр просиял, точно весеннее солнце:

— Что-что ты сказал?! Ты меня сейчас похвалил?!

Не удостоив его ответом, смущенный воин спешно поднялся и, точно спасаясь бегством, выскочил на открытую галерею под ледяные порывы ветра, лишь бы скрыть предательски подобревшее лицо.

— Похвалил! Слышишь, ты меня похвалил! — не унимался Цзинь Линьэр, барабанив кулаками по тонкой деревянной перегородке.

А на суровом, обветренном лице Великого защитника Суня и впрямь проступил густой, крайне подозрительный румянец.

Как и предвидел Сунь Цинфэн, искреннее и дерзкое сочинение мальчика нашло отклик в сердцах экзаменаторов. Сюэ Няньлан благополучно прошел письменное испытание и был допущен к проверке телесных сил.

Перед тем как отправить названного брата на монастырский двор, Сунь Цинфэн применил особое тайное прикосновение из арсенала Божественного искусства Золотого облика, наглухо запечатав меридианы вокруг его моря ци — даньтяня.

Цзинь Линьэр картинно закашлялся, состроил скорбную мину и со стоном поднялся на ноги, сиюсь изобразить смертельную немощь. Однако, сделав пару шагов, он с удивлением обнаружил, что отсутствие внутренней энергии никак не сказалось на его теле.

— Брат, а ты точно ничего не перепутал? — озадаченно почесал затылок мальчик. — Меридианы ты мне вроде запер, а я себя все равно чувствую легким, точно горная ласточка.

Сунь Цинфэн с раздражением выпихнул его за порог:

— Да потому что ты и так ни единого приема не знаешь, дубина неотесанная! Какая разница, набито чучело соломой до отказа или оно пустое изнутри? Трава ты сухая, вот и вся недолга!

— И пускай чучело! — Цзинь Линьэр умудрился на лету обвить руками его мощную шею. — Но раз у меня есть ты, я — самое примечательное и дорогое чучело во всей Поднебесной!

— Да отцепись ты от меня! Вечно лезешь обниматься, — беззлобно проворчал Сунь Цинфэн, отдирая мальчишку от своей груди. — Ладно... Глупостей на испытании не делай, сверх меры жилы не рви. Коль не судьба пройти — отступись. В крайнем случае поступим так, как я наказывал.

— Все сделаю как надо, — пообещал Цзинь Линьэр и поправил за спиной тяжелую перевязь с заветными клинками — Губителем душ и Отражающим зло.

Спустя час на залитом зимним солнцем плацу Цзинь Линьэр в полной мере осознал правоту слов названного брата: боец из него и впрямь был никудышный. Суть испытания на выносливость оказалась проста и безжалостна — соискателей заставили замереть в низкой стойке всадника-мабу, удерживая в раскинутых руках по ведру, доплна налитому ледяной водой. Простоять требовалось не менее половины стражи — целый час. Он изо всех сил стиснул зубы, терпя жгучую боль в бедрах, но не прошло и пары минут, как он предательски задрожал в коленях, вода расплескалась, и он с глухим стуком повалился задом в сугроб.

Наблюдавший за испытанием из-за ограды Сунь Цинфэн при виде падения мальчика забыл обо всем на свете. Расталкивая плечами обступившую плац толпу зевак, он ринулся к самому краю площадки. Однако, вовремя спохватившись, замер у черты и лишь незаметно помахал Цзинь Линьэру рукой, безмолвно призывая того сдаться и не мучить себя понапрасну.

Но Цзинь Линьэр, поймав этот встревоженный взгляд, уловил в нем тень горького разочарования. Сердце мальчика болезненно сжалось. Упрямо мотнув головой, он поднялся с холодной земли, подошел к чану, вновь зачерпнул ведрами воду и, широко расставив дрожащие ноги, упрямо замер в стойке.

Время тянулось мучительно медленно. Один за другим соискатели, хрипя от усталости, роняли ведра и валялись на снег. Большинство тут же уползло прочь, признавая поражение. Лишь единицы находили в себе силы подняться и повторить попытку вслед за Сюэ Няньланом, да и те шли на хитрость — отливали из ведер добрую половину воды, облегчая свою ношу.

И только упрямый, бесхитростный Цзинь Линьэр раз за разом ронял ведра, падал в грязь — и упрямо поднимался вновь. Он не ведал, лишился ли уже права на поступление из-за падений, но мысль о том, что названный брат сочтет его безвольным слабаком, страшила его сильнее смерти. Он послушно, до самых краев наполнял деревянные ушаты колодезной водой и вновь замирал, преодолевая адскую боль в онемевших суставах.

Повторив это изнурительное мучение раз шесть, он каким-то немислимым чудом воли заставил свое изможденное тело продержаться положенное время.

Когда распорядитель наконец выкрикнул имена счастливицев, чуда не произошло. Имени Сюэ Няньлана в заветном списке не оказалось. Опустив голову, мальчик побрел к выходу под сочувственные вздохи редких зевак.

— Постой-ка! — раздался сзади знакомый звонкий голос. Чжоу Синъюнь быстрыми шагами нагнал уходящего мальчика.

Цзинь Линьэр обернулся, растерянно моргая:

— Старший брат Чжоу?

— Слабость плоти — дело поправимое, мышцы можно развить тренировками, а боевые приемы — зазубрить, — с теплой улыбкой произнес Чжоу Синъюнь, положив ладонь на его плечо. — Но вот истинное упорство и верность долгу за один день не вырастишь. Природа обделила тебя выдающимся талантом к боевым искусствам, но твоя негибкая честность и трудолюбие стоят сотен пустых дарований. Мне прилась по душе твоя стойкость. Ступай вон к той стене и подожди. Когда старейшины завершат отбор, и если свободных мест окажется больше, чем достойных кандидатов, я замолвлю за тебя словечко.

Мальчик вспыхнул от переполнявшей его радости и низко поклонился:

— Благодарю тебя, старший брат Чжоу! Век не забуду твоей доброты!

Напутствовав его, Чжоу Синъюнь обошел толпу отсеянных соискателей и отобрал еще семерых удрученных парней, велел им не расходиться. Из приглушенных шепотков вокруг Цзинь Линьэр вскоре узнал, что их неожиданный покровитель — фигура в цзянху весьма примечательная. Чжоу Синъюнь был первенцем могущественного и богатого главы благородного клана Чжоу из Луцзяна, что в цветущем Цзяннане. И хотя рожден он был от простой наложницы, а не от законной супруги, одно лишь упоминание великого рода Чжоу открывало перед ним любые двери.

В этот раз за право примерить белоснежные одежды Хуашань боролись триста пятьдесят два юноши. Письменный экзамен одолели сто восемьдесят девять соискателей, но испытание силой отсеяло большинство — лишь семьдесят пять человек выстояли до конца. Из этого остатка старейшинам предстояло отобрать сорок внешних учеников для повседневных трудов и лишь десять избранных — во внутренние покои.

Увы, судейство оказалось строгим сверх всякой меры. Расспросив каждого кандидата с глазу на глаз, старейшины утвердили лишь сорок три имени, причем удостоить звания «внутреннего ученика» сочли возможным всего троих. Весь цзянху знал: внешние адепты — лишь подмастерья, постигающие азы под началом старших братьев по оружию. Лишь те немногие, кто переступал порог внутренних покоев, могли назвать своими наставниками старейшин ордена или самого великого главу школы. Именно они считались истинными хранителями грозного наследия Хуашань.

Некоторое время Чжоу Синъюнь тихо беседовал о чем-то с восседавшими на возвышении судьями, после чего обернулся к дверям и жестом пригласил томящихся в ожидании неудачников войти в главный чертог.

Ростом Цзинь Линьэр не выдался, да и телосложением обладал довольно хрупким. Однако годы, проведенные бок о бок с бывалым воином Сунь Цинфэном, не прошли даром: парень невольно перенял безупречную, суровую выправку ветерана Небесной стратегии. Он держал спину прямо, точно натянутая струна, а в его движениях сквозила упругая, молодая сила горной сосны. Не будь его лицо сокрыто уродливой личиной пронырливого лиса, всякий наставник с первого взгляда полюбил бы этого ладного юношу.

Увы, прямо сейчас на плечах его покоилась на редкость отталкивающая, плутовская физиономия.

Довершала этот нелепый образ его странная одежда. Прочие кандидаты, сиюсь выказать утонченность и причастность к возвышенному Дао, щеголяли в легких, просторных шелковых халатах. Даром что стояла лютая зима — широкие рукава их одеяний красиво раздувались на

ветру, являя взору истинную грацию бессмертных. Цзинь Линьэр поначалу тоже порывался принарядиться, но заботливый Сунь Цинфэн, страшась, как бы малец не замерз или не ободрал локти при падении, насильно обрядил его в плотную, тяжелую черную куртку на вате со здоровенным собачьим воротником, да еще и наглухо стянул голени плотными обмотками. На фоне утонченных щеголей мальчик смотрелся неуклюжим деревенским увальнем — «курицей среди журавлей», из-за чего старейшины упорно обходили его вниманием, оставив под самый конец.

Наконец просторный чертог опустел. Шестеро восседавших в полумраке старейшин — двенадцать испытующих, суровых глаз — уставились на последнего соискателя, эту несуразную, облаченную в тулуп «лисицу». Всякому из них чудилось в облике парня нечто странное, глубоко запрятанное, но ухватить суть они не могли.

Зимнее солнце стремительно катилось к закату, и вскоре величавый чертог погрузился в густые синие сумерки.

Поскольку этот день подводил черту под всем набором, сам великий глава Хуашань, Сюэ Чжэнъян, не пожелал оставаться в стороне. Осмотрев новоиспеченных учеников и заметив, что его младшие братья-соратники все еще вершат суд в главном зале, он в одиночестве зашагал по подвесной галерее, укрытой сенью заиндевелых ветвей, и бесшумно остановился у боковых дверей чертога.

Сюэ Чжэнъян овдовел тридцать лет назад и тогда же принес суровый обет безбрачия. Затворившись в заоблачных кручах, он посвятил жизнь оттачиванию мастерства и возвращению чистого ци. Несмотря на то что разменял уже шестой десяток и виски его припорошило серебром, благодаря безупречному духовному деланию лицом и статью он по-прежнему походил на сорокалетнего мужа в расцвете сил.

Высокий, с резкими, словно высеченными из гранита чертами художавого лица, он облачен был в благородное даосское одеяние цвета зимней лаванды с изящным узором парящих журавлей на плечах. Голову его венчал традиционный головной убор с нефритовой застежкой-тайцзи. В облике этого мужа удивительным образом уживались величие бессмертного и едва уловимая, дикая бунтарская удаль. Застыв у входа, он устремил взор внутрь чертога.

Извилистая подвесная галерея, подобно уснувшему дракону, терялась во тьме, лишь редкие бумажные фонари сиротливо раскачивались на ветру, то вспыхивая, то угасая. Сюэ Чжэнъян замер, заложив руки за спину, как вдруг из глубин чертога до него донесся чистый, звонкий юношеский голос.

— «Где долг велит — иди навстречу гибели, не оборачиваясь», — твердо произнес Цзинь Линьэр. — Достопочтенный старейшина соизволил заметить, будто ваш покорный слуга до

дрожи боится кончины, и в этом он совершенно прав. Но с чего вы взяли, будто трусость лишает меня права владеть мечом? О каком недостоинстве речь?

Старейшина ордена Чжан Цинсюань, державший в руках бразды грозного карающего закона Хуашань, слыл человеком прямым и суровым. Будучи младшим братом самого Сюэ Чжэньяна по обучению, он пользовался непререкаемым авторитетом. Видя, что прочие наставники в недоумении безмолвствуют, он лично шагнул вперед к дерзкому юноше:

— Жизнь человека — не более чем сгущение чистого ци, — строго заговорил Чжан Цинсюань. — Сгустится дух — рождается плоть, рассеется — наступает смерть. Жизнь и кончина суть две стороны единого великого круга. Чего же тут страшиться? Твой взор затуманен мирской суетой, разум твой темен, а духовному зрению недостает остроты. Боюсь, с таким скудным пониманием священное Дао Хуашань останется для тебя закрытой книгой.

Эти напыщенные речи заставили Цзинь Линьэра глубоко задуматься. В этот миг он решительно отбросил все лукавые уловки и заготовки, которым его усердно обучал Сунь Цинфэн.

— Жизнь и смерть едины, говорите? — грустно улыбнулся он. — «Чего страшиться»? Смерть, достопочтенный старейшина, страшна по самой своей природе. И бояться ее — естественно для всего живого.

Сложив руки в вежливом приветствии, юноша продолжил, и голос его зазвучал на удивление твердо:

— Под куполом небес ни один зверь, ни одна птица или малейшая букашка не причинят себе вреда по доброй воле. Лишь человеку дарован высший дух и разум, способный возвыситься над животными инстинктами и пожертвовать собой во имя долга. Это означает лишь одно: жизнь вожделенна для всего сущего, смерть ненавистна всякой плоти, но долг — истинное мерило человеческого сердца. И потому, идет ли муж на плаху ради правды или влачит жалкое существование во имя высшей цели — делает он это лишь ради того, чтобы не осквернить свою душу позором. Я не желаю жить с нечистой совестью, и только поэтому готов принять смерть, когда велит долг.

— Однако любой прославленный герой сотворен из той же бренной плоти и крови, что и последний нищий. Он точно так же цепляется за ускользающее дыхание и содрогается пред ледяным зевом могилы. Именно эта внутренняя борьба и делает его жертву бесценной! Я не святой подвижник и не собираюсь кривить душой перед лицом великих наставников, а потому честно признаюсь: да, я боюсь смерти. И пока в моей груди теплится хоть искра жизни, я буду драться за нее зубами и ногтями. Но ежели чаши весов придут в равновесие и придется выбирать между бесчестьем и гибелью — я без колебаний отдам жизнь за правое дело.

— Древние свитки гласят: «Лишь тот, кто преисполнен истинной искренности под небесами, способен до конца раскрыть свою природу». И еще сказано: «Природа человека определена Небом, а следование этой природе и есть истинный Путь». Ежели соискатель не способен на

простейшую честность перед самим собой и своими учителями, как смеет он уповать на постижение великого Дао? Мое признание в страхе перед кончиной — не повод для гордости. Это лишь дань священному закону Искренности.

Чжан Цинсюань ошеломленно замер, не веря своим ушам. Суровые складки на его лице дрогнули, сменившись искренним изумлением:

— Ну и диковинный же ты малый! Истинный упрямец с чистой душой... Что ж, беру свои прежние слова назад. Книжную мудрость ты не просто зазубрил — ты пропустил ее через собственное сердце. Неужто родом из семьи потомственных книжников будете?

Цзинь Линьэр тихо покачал головой:

— Вовсе нет. Я родом из суровых краев Белого моря. Отец с матерью рано покинули этот мир, и меня вырастил старший брат. Грамоте я учился от силы года два, но все крупницы житейской мудрости перенял у него. Он — человек суровый, сильный, настоящий герой в моих глазах. И ежели мне улыбнется счастье стать учеником вашей великой школы, я умоляю почтенных мастеров позволить моему брату наняться к вам простым чернорабочим.

— Ишь ты, какой заботливый выискался! Обо всем на свете успел похлопотать! — Чжан Цинсюань не выдержал и весело расхохотался.

Но мгновение спустя веселье сошло с его лица, уступив место привычной строгости:

— Ладно, довольно пустых речей, солнце уже село. Теперь мне ведомо, что душа твоя трепещет пред кончиной. Твоя прямота делает тебе честь, но твоё малодушие претит моим принципам. На этом все, ступай восвояси.

Цзинь Линьэр не шелохнулся. Обладая природным чутьем на людей, он прекрасно понимал: суровый старейшина уже оттаял. Эта показная суровость была лишь завершающим испытанием, призванным проверить его душевную стойкость перед лицом неудачи.

Мальчик лукаво прищурился и с самым умильным видом пропел:

— Так ведь именно потому, что я глупый, неразумный малец со скудным пониманием Дао, мне и жизненно необходим мудрый наставник! Кому, как не грозному старейшине закона, взять на себя сей тяжкий труд и наставить заблудшую душу на стезю истинной добродетели?

Почувствовав, что сковывавший его страх бесследно испарился, он невольно перешел на тот самый вкрадчивый, ласковый тон, которым обычно умасливал рассерженного Сунь Цинфэна:

— Обещаю: если почтенный учитель вздумает потчевать меня тумаками да бранью, я и пикнуть не посмею! У меня ведь хватает ума понять, что за свою трусость я заслуживаю хорошей трепки. Каждое ваше слово для меня станет священным законом. Смилуйтесь, примите ничтожного ученика под свое крыло!

Чжан Цинсюань на мгновение опешил от такой обезоруживающей наглости, а затем покатился со смеху, сотрясая своды чертога:

— Ха-ха-ха! Ну и шельмец! Ладно, решено — забираю тебя в свой удел!

— Премного благодарен вам, учитель! Спасибо почтенным старейшинам, спасибо старшему брату Чжоу! — радостно вскричал Цзинь Линьэр и повалился на колени, намереваясь совершить три ритуальных земных поклона.

Но стоило его лбу едва коснуться холодных каменных плит, как перед самым его носом бесшумно соткался подол лавандового халата. Сюэ Чжэнъян незаметно вошел в чертог и заступил ему дорогу.

Чжан Цинсюань аж подпрыгнул на месте от негодования и сердито вытаращил глаза:

— Брат Сюэ! Благородный муж никогда не станет отнимать то, что приглянулось ближнему его!

Сюэ Чжэнъян лишь небрежно пожал плечами, не выказав и капли смущения:

— Склонился передо мной — значит, отныне мой ученик. Да и кто тебе виноват, что ты битый час разводил тут заунывные бредни о жизни и смерти? Сам упустил малого.

Чжан Цинсюань в юности делил один коврик для медитаций и одну циновку с Сюэ Чжэнъяном под началом прежнего патриарха, так что узы их братства были нерушимы. То, о чем прочие старейшины не смели даже помыслить, грозный судья высказывал прямо в лицо главе школы, и прямо на глазах у изумленных учеников между ними разгорелась яростная словесная перепалка.

Впрочем, Сюэ Чжэнъян парой ленивых фраз без труда утихомирил разбушевавшегося собрата. Все это время его холодный, пронзительный взор был прикован к коленопреклоненному Цзинь Линьэру.

Мальчик почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Он медленно поднял голову и встретился взглядом с главой ордена. Сюэ Чжэнъян держался небрежно и даже сонно, но его глаза — глубокие, как горные озера — светились такой пугающей, всепроникающей

мудростью, что казалось, они видят парня насквозь, до самых потаенных глубин души. Едва успокоившееся сердце Цзинь Линьэра вновь испуганно затрепетало в груди.

Сюэ Чжэнъян сделал шаг вперед, впериw испытующий взор в его ясные, чистые глаза. Чуть заметно нахмутив брови, он тихо спросил:

— Как твое имя, дитя?

Несмотря на золотую вуаль Талисмана призрачного рождения, Цзинь Линьэра не покидало навязчивое ощущение, что великий мастер видит сквозь наведенный морок его истинный лик. Сильнее стиснув зубы, он напомнил себе, что имя, записанное в подорожной, когда-то даровала ему родная мать как нежное детское прозвище, а значит, греха лжи на нем нет.

Набрав в грудь побольше воздуха, он твердо ответил:

— Меня зовут Сюэ Няньлан.

— О, так ты тоже из рода Сюэ! — добродушно хмыкнул за спиной Чжан Цинсюань.

Цзинь Линьэр поспешно склонил голову, торопливо добавляя:

— Мой старший брат на тринадцать лет старше меня. Его имя — Сюэ Фэн.

— Сюэ Няньлан... — медленно, словно пробуя на вкус каждое созвучие, повторил великий глава.

Он плавно наклонился и бережно, но крепко взял мальчика за руку, увлекая за собой:

— Иди за мной.

Цзинь Линьэр послушно последовал за ним. Они покинули величественный чертог и вышли на безмолвную подвесную галерею, где в морозных сумерках сиротливо мерцали одинокие бумажные фонари.

Тусклый, колеблющийся свет пламени размывал черты лица Сюэ Чжэнъяна. Он застыл у перил, устремив взор на темнеющие вдаль хребты, и тихо спросил:

— Какое оружие ты несешь за своими плечами, мальчик?

За спиной у Цзинь Линьэра и впрямь покоились легендарные мечи — Отражающий зло и Губитель душ. Из кованой стали их когда-то, в незапамятные времена, велел сотворить сам правитель царства Юэ — Гоуцзянь. Клинки эти обладали первозданной, грозной силой, способной рассекать демонический морок и изгонять скверну, и веками почитались как величайшие святыни и сокровища школы Хуашань.

Триста лет назад, когда разверзлась бездонная пасть Границы Белого моря и полчища демонов хлынули в мир людей, святыни затерялись в кровавом хаосе войны. Лишь по счастливой случайности спустя века их отыскал Сунь Цинфэн: один клинок он оставил себе, а второй вручил владыке Культа Золотого света.

По суровому замыслу Сунь Цинфэна, если бы мальчишка с треском провалил все испытания, эти священные клинки должны были стать их пропуском в обитель — «клятвенным залогом». Они собирались солгать, будто повстречали на заснеженных просторах Белого моря пропавшую дочь главы Сюэ Линьюнь, и та перед кончиной умоляла их вернуть утраченные реликвии родному отцу.

Однако благородная душа Цзинь Линьэра противилась всякой лжи и дешевому корыстолюбию. Больше всего на свете он страшился обрушить на седого мастера страшную весть о безвременной гибели единственной дочери. Именно поэтому он из кожи вон лез перед старейшинами, сиюсь пройти отбор своими силами.

Но судя по тяжелому, испытующему молчанию Сюэ Чжэньяна, великий мастер давно узнал родовые святыни. Он наверняка разгадал и саму тайну беглецов — понял, что пред ним стоят те самые отступники, за чьи головы бьются и стража, и разбойники цзянху, и что явились они сюда лишь в поисках спасительного убежища за монастырскими стенами.

Сделав глубокий вдох и решив больше не юлить, Цзинь Линьэр тихо произнес:

— Мечи за моими плечами... действительно суть древние святыни вашей школы, Губитель душ и Отражающий зло.

— Где ты нашел их? — не оборачиваясь, спросил Сюэ Чжэньян.

— Ваш покорный слуга вырос у Белого моря. Там я случайно наткнулся на них, — ответил мальчик.

Сюэ Чжэньян издал тихий, надорванный вздох, в котором слышалась вековая, неизбывная тоска:

— Белое море... Гора Цинмин...

Сердце Цзинь Линьэра болезненно сжалось при звуках этого вздоха. Взглянув на серебряные, точно первый иней, виски старого мастера, он не выдержал собственной лжи. Сжав кулаки, он заговорил быстро, глотая слезы:

— Моя семья давно разорилась, и нам с братом приходилось выживать трудом да охотой. Меч Губитель душ мы отыскиали в глубокой ледяной расщелине на заснеженных пустошах Белого моря. А Отражающий зло выкопали из-под корней, когда собирали целебные корни под Утесом Осеннего клена у подножия горы Цинмин. Один знающий странник открыл нам, что эти клинки принадлежат ордену Хуашань. Вот я и решил воспользоваться набором учеников, дабы вернуть святыни законному владельцу.

Это сбивчивое оправдание больше походило на отчаянный жест отчаяния — парень фактически выдал себя со всеми потрохами.

— И где же ныне обретается сей благородный странник? — тихо спросил Сюэ Чжэньян.

В глазах Цзинь Линьэра снова закипели слезы, но он постарался удержать их:

— Странствует среди бурных рек и далеких озер... Свободен и счастлив, как вольный ветер.

Сюэ Чжэньян медленно повернулся к нему. Лицо его оставалось непроницаемым:

— Уходи, дитя. Я не могу принять тебя в ученики.

Мальчик и представить не мог, насколько пугающей окажется пронизательность этого человека. Всего несколько фраз, один долгий взгляд — и его душа оказалась вывернута наизнанку. Он вспомнил, как некогда его родная мать отреклась от отца и сбежала из дома. Какую же страшную рану нанесло это предательство сердцу старого мастера! А теперь он, ее сын, явился пред его очи, неся на плечах молчаливое известие о ее безвременной гибели. Какая жестокая, невыносимая кара для старика!

Волной запоздалого, жгучего раскаяния затопило разум Цзинь Линьэра. Упав на колени, он с глухим стуком трижды прижался лбом к холодным доскам пола. Затем торопливо отстегнул тяжелую перевязь со святынями и бережно опустил их к ногам старого мастера.

— Простите меня, глава Сюэ... — прерывистым от слез голосом прошептал он. — Я не должен был приходить сюда. Не должен был тревожить ваш покой. Святыни вернулись домой, а вы... вы просто забудьте обо мне, словно никогда и не видели. Пожалуйста, не держите зла.

Не смея более задерживаться и не дожидаясь ответа, он вскочил на ноги и бросился прочь по темной галерее. Лишь на мгновение он обернулся назад: величественная фигура Сюэ

Чжэнъяна у перил казалась неестественно хрупкой, а плечи старого мастера едва заметно вздрагивали от безмолвных рыданий.

— Постой, — негромкий, но отчетливый голос настиг его у самого спуска. Сюэ Чжэнъян в два широких шага нагнал беглеца. В его руке мерно покачивался бумажный фонарь, чей теплый свет мягко очертил заплаканное лицо мальчика. — Ночью в горах легко оступиться. Позволь мне проводить тебя.

Приняв из рук мастера рукоять, Цзинь Линьэр побрел вперед по крутой горной тропе. Крохотный огонек его одинокого светильника с трудом пробивал плотную, непроглядную пелену зимней ночи, выхватывая из темноты его зябко сжавшуюся фигурку.

— Сколько зим ты повидал, дитя? — тихо спросил шедший следом Сюэ Чжэнъян.

Цзинь Линьэр поспешно утер рукавом мокрые щеки и постарался утихомирить дрожь в голосе:

— Сегодня, в Праздник фонарей, мой день рождения. Ровно шестнадцать исполнилось. Считаю, в пору зрелости вступил.

— И какие же думы о будущем занимают твою голову? — слышалось из темноты.

— Будем с братом держаться друг за друга, как и прежде, — тихо отозвался мальчик. — Мечтаем лишь о тихой жизни, без войн и раздоров цзянху.

В этот миг яростный порыв ветра взметнул с земли колючую снежную крупу, безжалостно швырнув ее в лицо. Цзинь Линьэр зябко вздрогнул, но тут же упрямо выпрямил спину:

— Мы несколько лет прожили у Белого моря. Там бесконечные метели, но весной распускаются дивные абрикосовые сады и гнутся к воде вековые ивы. Чудесный край... Да только ушли мы оттуда слишком далеко. Боюсь, обратной дороги нам уже не сыскать.

Сюэ Чжэнъян больше не говорил, Цзинь Линьэр тоже хранил молчание.

Когда впереди наконец замаячили тусклые огни постоянного двора, они увидели у ворот высокую, неподвижную фигуру. Сунь Цинфэн стоял под завывающими порывами бури, точно каменное изваяние. Снег толстым слоем запорошил его плечи и широкую грудь, но он даже не шевелился, упрямо вглядываясь в темноту тропы.

Цзинь Линьэр порывисто бросился было к нему, но на полпути резко замер. Развернувшись, он подбежал обратно к Сюэ Чжэнъяну и бережно протянул ему бумажный светильник:

— Глава школы Сюэ... Ночь нынче лихая, тропинки замело. Ступайте обратно не спеша, берегите себя.

Сюэ Чжэнъян молча посмотрел на протянутую руку мальчика, а затем мягко покачал головой:

— Оставь себе. Завтра в полдень поднимешься на гору и лично вернешь мне этот фонарь.

С этими словами он вложил в его онемевшие пальцы тяжелую перевязь с древними клинками — Отражающим зло и Губителем душ:

— Я буду ждать тебя в Храме Омовения духа. Придешь и совершишь положенный обряд ученичества.

Оглушительная, немыслимая радость затопила сознание мальчика, лишив его дара речи. Когда же он наконец опомнился и открыл рот, дабы излить слова благодарности, перед ним кружилась лишь седая метель. Сюэ Чжэнъян бесшумно растворился в ночной буре, словно его и не было вовсе.

Круто развернувшись, Цзинь Линьэр со всех ног припустил к Сунь Цинфену. С ходу прыгнув на него, он крепко обвил ногами его пояс и во весь голос завыл, утыкаясь носом в его заснеженную шею:

— Брат! Прости меня, дурака! Я во всем сознался, всю твою ложь прахом пустил! Отлупи меня, я заслужил!

Но мгновение спустя он уже сквозь слезы всю заливался счастливым смехом:

— Только, умоляю, не слишком сильно бей! Мне ведь завтра поутру на гору подниматься, пред очи учителей предстать надобно!

Сунь Цинфэн, держа в одной руке фонарь, а в другой дорожные вещи, лишь обреченно вздохнул. Ловким движением он зажал брыкающегося мальчишку под мышкой, точно куль с мукой, и зашагал к дверям постоянного двора:

— Считаю, повезло тебе, паршивец. Руки у меня заняты, некому шкуру твою драть.

Цзинь Линьэр в ответ лишь крепче прижался к нему и со звонким чмоканьем запечатлел поцелуй на его обветренной щеке:

— Брат, ты у меня самый лучший в поднебесном мире!

Сунь Цинфэн лишь сокрушенно покачал головой, пряча улыбку в усах:

— И надо же быть такому... Неужто и впрямь лгать не умеешь, раз тебя с первого взгляда раскусили? Растешь прямым да честным, ни капли хитрости отцовской нет, да и материнской тоже. Глядя на тебя, грешным делом подумаешь, уж не подкинули ли тебя нам во младенчестве?

— Мой родной дед с одного взгляда во всем разобрался, так что кровь у нас точно одна! — весело парировал Цзинь Линьэр, устраиваясь поудобнее и ласкаясь к нему, точно преданный пес. — Пускай я не унаследовал их повадок. Зато я во всем похож на тебя, брат!

— Мели, Емеля, твоя неделя! — беззлобно цыкнул на него воин.

С наступлением глубокой ночи переполнявшая сердце радость так и не дала мальчику сомкнуть глаз. Он долго ворочался с боку на бок, а затем, не выдержав, тихонько перебрался под теплое одеяло к Сунь Цинфэну и шепотом пересказал ему все до единого события уходящего дня.

Выслушав исповедь, Сунь Цинфэн долго молчал, хмурясь в темноту, а затем негромко спросил:

— Одного я понять не могу. Смерть — удел всякого живущего под луной, бежать от нее глупо и бессмысленно. Пускай в глубине души всяк дрожит пред ней, но ведь на письменном экзамене от тебя ждали лишь красивых, напыщенных фраз о великом долге. Зачем было так упрямо лезть на рожон со своей правдой?

— Тебе не понять, брат, — тихо вздохнул Цзинь Линьэр.

— Ишь ты, мудрец выискался! Куда уж мне, старому солдату, — хмыкнул воин.

Цзинь Линьэр покрепче прижался к нему, уткнувшись лицом в его теплую, широкую грудь:

— Если честно... сама по себе смерть меня не так уж сильно пугает.

Сунь Цинфэн легонько отстранил его от себя и грустно усмехнулся во тьме:

— Глупый ты еще. Совсем зеленый.

Но мальчик упрямо потянулся обратно и осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, нащупал сквозь тонкую ткань рубахи глубокий, уродливый шрам на груди воина — след от былых сражений.

— Истинная правда, я не боюсь своей кончины, — прошептал он. — Но... каждый раз, когда я вспоминаю, как ядовитая призрачная злоба терзает твоё тело в беспамятстве... каждый раз, когда от тебя исходит этот удушливый, ледяной запах тления и близкой смерти — моё сердце замирает от дикого, невыносимого ужаса.

Сунь Цинфэн нахмурился, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой детской пронзительности. Медленно убрав теплую ладонь мальчика со своей груди, он молча отвернулся к стене.

— Брат, я ведь не тебя боюсь... — тихо позвал его Цзинь Линьэр.

Слово «брат» казалось ему куда теплее и роднее сурового «старший Сунь», и он уже давно позабыл о былых приличиях.

— Уйти за черту самому — дело нехитрое. Сколь бы ни были страшны муки, они длятся лишь краткое мгновение, а затем наступает покой. Но вот удел тех, кто остается жить... Их страдание тянется бесконечно, затапливая одинокие годы холодной, незаживающей раной, которая с каждым днем ноет всё сильнее. Стоит мне лишь помыслить, что наступит день, когда ты навсегда покинешь меня, оставив одного в этом мире... и у меня перехватывает дыхание от боли. Именно благодаря тебе я понял, насколько бесценен каждый миг жизни, и насколько чудовищна смерть. Ты заставил меня изо всех сил цепляться за эту жизнь.

Цзинь Линьэр прильнул к его спине, крепко обняв руками за мощные плечи:

— Никто вокруг этого не понимает, да и ты, кажется, тоже. Когда отец с матерью покинули этот мир, я был совсем несмышленым дитятей — тогда я горько плакал, но теперь раны затянулись. Но когда я воочию познал дыхание смерти, глядя на твои мучения... мне стало невыносимо больно. И я поклялся себе: я не стану мириться с этой судьбой! Не стану изливать лживые, напыщенные речи, дабы убажить судей, и не уступлю ни на пядь. Я никогда не брошу тебя, брат, и не сдамся сам. Поклянись, что и ты никогда не оставишь меня одного... Слышишь?

Сунь Цинфэн хранил молчание. Лишь когда буря в груди мальчика улеглась, а его дыхание сделалось ровным и глубоким, знаменуя приход целительного сна, ветеран едва слышно прошептал в темноту:

— Обещаю.

В его суровой, закаленной в боях душе шевельнулся странный, неведомый прежде страх. Этот мальчишка... он всегда обладал удивительным даром находить нужные слова. В детстве его уста источали лишь забавные ребяческие ласки, но теперь, превратившись в юношу, он говорил так искренне и глубоко, что каждое слово без промаха било в самое сердце Сунь Цинфэна. Рядом с ним бывалый воин терял всю свою суровость, оказываясь совершенно неспособным произнести жесткое «нет».

И как ему, скажите на милость, прикажете жить с этим дальше?

<http://bllate.org/book/18425/1826518>